

В. А. Нуриев

ЕДИНИЦА ПЕРЕВОДА, ЕДИНИЦА ОРИЕНТИРОВАНИЯ, ПЕРЕВОДЕМА: РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ

Работа представлена отделом экспериментальных исследований речи

Института языкознания РАН.

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор К. Я. Сигал

Статья посвящена анализу существующих в отечественном переводоведении подходов к определению единицы перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, единица перевода.

The article touches upon the question: how to define the unit of translation. The author analyses different attempts made by Russian scientists in the domain of theory of translation, which tried to define the category.

Key words: literary translation, unit of translation.

Сопоставляя оригинальное произведение и его переводные варианты, исследователь сталкивается с проблемой выбора единицы ориентирования. Наряду с указанным термином в специализированной литературе также употребляется «**единица перевода**». Специалистам до сих пор не удалось единообразно определить смысловое содержание этого термина. Чтобы систематизировать существующие точки зрения, обратимся к мнению известных русских переводоведов.

Л. К. Латышев говорит: «В процессе перевода переводчик (в наиболее типичном случае) делит исходный текст на определенные смысловые отрезки, которые он последовательно переводит на переводящий язык» [6, с. 168]. То есть текст перевода – результат последовательного подбора соответствий для сравнительно небольших отрезков исходного текста. Они поэтапно объединяются во все более крупные текстовые единицы до тех пор, пока не будет создан текст перевода в целом. Единицы исходного текста, на уровне которых устанавливаются переводческие соответствия, Л. К. Латышев называет *единицами перевода*. Он также указывает, что соответствия в переводе устанавливаются на самых различных уровнях: от уровня морфем и до уровня текста. Наблюдаются и разноуров-

невые соответствия типа морфема – слово, слово – словосочетание и т. д. Толкуя единицу перевода как единицу операционную, служащую ориентиром в поиске переводных вариантов, исследователь настаивает, что единицами перевода правомерно считать лишь грамматически самостоятельные единицы исходного текста. Величина единицы перевода варьируется от одного слова до группы предложений, а в некоторых случаях единицей перевода служит весь исходный текст [6, с. 168–171].

Несколько иначе подходит к определению единицы перевода В. Н. Комиссаров, предлагая различные способы ее выявления. Он называет единицу перевода во французской манере – «переводемой», отмечая, что ею может быть какая-либо уже выделяемая в языкознании единица (или единицы) либо совершенно особая, «собственно переводческая» единица. «Единица перевода должна прежде всего обнаруживаться в оригинале, т. е. представлять собой какую-то часть текста оригинала, знаки, составляющие этот текст, обладают как планом выражения, так и планом содержания, и единица перевода будет, по-видимому, обнаруживаться либо среди формальных единиц текста, либо среди выражаемых в нем единиц содержания. В то же

время единица перевода должна выявляться именно в процессе перевода» [4, с. 186]. Именно это последнее высказывание представляется интересным с точки зрения переводческой практики, поскольку в таком случае единица перевода располагает определенной диффузностью, т. е. у нее заведомо отсутствуют четкие границы, позволяющие ее жестко формализовать. В. Н. Комиссаров предлагает четыре способа, с помощью которых можно выделить единицу перевода.

Первый способ носит формально-операциональный характер: единица перевода выступает как минимальная единица текста, которая в процессе перевода является самостоятельным объектом этого процесса. Этот способ становится более понятным, если представить, что текст, принятый в работу переводчиком, отличается большим объемом и сложной структурой. Тогда переводчик делит текст оригинала на определенные отрезки, и процесс перевода строится как последовательный (в отдельных случаях непоследовательный) переход от отрезка к отрезку.

«Во-вторых, единицей перевода можно считать минимальную языковую единицу текста оригинала, переводимую как одно целое в том смысле, что в тексте перевода нельзя обнаружить единиц ПЯ (переводящего языка. – В. А.), воспроизводящих значение составных частей данной единицы, если таковые у нее имеются» [4, с. 187]. Этот принцип выявления единицы перевода удобен, когда в оригинальном тексте употребляются сложные слова и разного рода «сращения», состоящие из двух и более корневых основ, а также фразеологизмы, при переводе которых невозможно ориентироваться лишь на их отдельные составные компоненты. Однако данный принцип распространяется только на достаточно узкий круг явлений и поэтому не может быть признан универсальным.

Третий способ идентификации единиц перевода ориентируется на единицы языка

перевода. Тогда единица перевода – минимальный набор лексем или грамем исходного языка (ИЯ), которому можно найти соответствие в форме некоторой лексической или грамматической категории ПЯ. При таком подходе появление в тексте оригинала конкретной лексической или грамматической единицы «задает» употребление соответствующей единицы на ПЯ, что в определенной мере соответствует реальному положению вещей. Однако главным недостатком этого способа остается невозможность унификации единиц перевода и «то обстоятельство, что категории языка (граммемы и лексемы) выступают в текстах оригинала и перевода не изолированно... Поэтому выделяемые подобным образом единицы являются, скорее, не единицами перевода (т. е. не соответствующими отрезками текста в оригинале и/или переводе), а соотносительными единицами двух языковых систем» [4, с. 188].

В. Н. Комиссаров попытается устранить этот недостаток и определяет единицу перевода как минимальную единицу речи (т. е. минимальный отрезок текста). Ее наличие в исходном тексте ведет к появлению определенного речевого отрезка в тексте перевода. В этом случае понятие единицы перевода оказывается тесно связанным с теорией регулярных переводческих соответствий, когда для определенной лексической единицы или грамматической конструкции в ПЯ уже существует закрепленное в лексикографических изданиях или в нормативных грамматиках соответствие. Подобные «переводемы» также будут различаться. «Некоторые из них будут совпадать с единицами языка (морфемами, словами, структурными формулами), другие образовываться совокупностью таких единиц или их сочетаниями, третьи соответствовать более мелким образованиям» [4, с. 189].

Четвертый способ выявления единицы перевода, согласно В. Н. Комиссарову, ориентирован исключительно на план содер-

жания оригинала. Единицей перевода является минимальная единица содержания текста оригинала, воспроизводимая в тексте перевода [4].

Е. В. Бреус, развивая положения коммуникативной теории перевода, основной *единицей ориентирования* называет предложение-высказывание [1, с. 24], а В. С. Виноградов отмечает первостепенную роль смыслового компонента, заключенного в подлежащем переводу тексте, и «**пофразовый**» характер перевода письменного текста [2, с. 33–34]. Тем самым он воспроизводит два принципа выделения единицы перевода из четырех, предложенных В. Н. Комиссаровым.

Известный теоретик и практик перевода В. Н. Крупнов, основываясь на своем профессиональном опыте, также подчеркивает важность смыслового содержания и полагает, что для достижения высокого качества перевода необходимо творческое совмещение элементов частного (переводческие решения на уровне слов и словосочетаний) и целого (передача всей мысли на уровне предложения, с учетом укрупненного контекста). В процессе работы языковые особенности текста и его смысловое содержание «корректируют» творчество переводчика. И независимо от того, является ли единица перевода сегментом предложения, синтагмой или группой связанных по смыслу слов, самое важное – проникнуть в смысловое содержание этой единицы и точно выразить его на другом языке [5].

Сходную точку зрения высказывает Д. Жуков в книге «Мы – переводчики», где он упоминает единицу смысла, которая и служит ориентиром переводчику [3].

Однако когда ставится вопрос о точном соотношении данного, во многом «теоретизированного» понятия с конкретной языковой единицей, возникают разные споры – не все теоретики перевода разделяют мнение В. Н. Крупнова, которое приводилось выше. В частности, В. С. Виноградов по мере формулирования своей концепции от-

ходит от примата смыслового содержания переводимого текстового отрезка и вслед за А. А. Смирницким и Л. О. Резниковым в конечном итоге закрепляет за словом статус единицы ориентирования (перевода) [2, с. 50]. Это представляется спорным, учитывая, что слово реализует свое конкретное значение лишь во взаимосвязи с другими словами – в рамках словосочетания и/или предложения. В противном случае художественный текст можно было бы переводить, используя автоматизированные (компьютерные) средства. Для Л. К. Латышева наиболее типичными единицами перевода, которыми наиболее часто оперирует переводчик, являются *словосочетания и предложения*, поскольку «отдельное слово не типично как единица перевода по причине своей многозначности, неопределенности своего значения, которые, соответственно, снимаются и конкретизируются в контексте (словосочетании, предложении и т. д.). Единицы большие, чем словосочетание и предложение, слишком велики, недостаточно «обозримы», вследствие чего ими трудно оперировать» [6, с. 171].

В качестве своеобразного обобщения можно привести слова Я. И. Рецкера, который говорит, что при переводе письменного текста единицей ориентирования может быть и слово, и словосочетание, и синтагма, и целое предложение, и абзац, и весь переводимый текст [7, с. 29], подтверждение чему мы находим в следующем примере:

Sur le grand réservoir d'eau se dresseront les silhouettes fantômes des gratte-ciel, diplodocus assoupis, mauves et gris, attendant leur pâture [9, p. 23–24].

По водяной глади растянутся призрачные силуэты небоскребов, задремавшие гигантские ящеры, серые, блеклые, в ожидании своего выпаса (перевод наш. – В. Н.) [8, с. 111].

Так, например, в приведенном предложении основной задачей становится не перевод необычного для французского языка инверсивного порядка слов, а синтагмы

diplodocus assoupis, распространенной обособленной конструкцией, состоящей из двух сочиненных определений *mauves et gris*. Уже на уровне перевода лексемы *diploдоки* возникают трудности: поскольку она используется, как правило, в специализированных, научных текстах и в силу ее фоносемантических особенностей на русском приходится искать другой вариант. Невозможным представляется сохранение сочинительной конструкции с тем смысловым наполнением, что представлено французским текстом. Если ее перевести на русский язык дословно, то однородные определения начинают «противоречить» – *сиреневые и серые*, поэтому требуется замена одного из компонентов *mauves* → *блеклые* и т. д.

В художественном переводе каждое слово, каждая реплика, каждое предложение зависит от идейно-художественного замысла автора, от особенностей его индивидуального стиля, от ритмомелодики целого и отдельных частей повествования, тут не

могут не возникать затруднения при передаче значений отдельных слов, и большинство переводческих задач решается в рамках предложения. «Но это не дает основания считать ни «проблемное» слово, ни предложение, в котором оно находится, самостоятельной единицей перевода. В конечном счете может оказаться, что найденное в рамках предложения решение придется пересмотреть, чтобы привести данную часть переводимого текста в соответствие с целым» [7, с. 29].

На основе всего вышесказанного можно заключить, что, видимо, более целесообразно называть *единицей ориентирования (перевода) отрезок оригинального текста*, выступающий либо в качестве объекта перевода, либо в качестве объекта сравнительного анализа, обладающий некой законченностью в смысловом отношении. Хотя в реальной переводческой практике мы чаще всего имеем дело не с конкретной формализованной единицей, а с отдельным *речевым действием*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: Изд-во УРАО, 2001. Ч. 1. 104 с.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
3. Жуков Д. А. Мы – переводчики. М.: Знание, 1975. 112 с.
4. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 215 с.
5. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. М.: Международные отношения, 1976. 192 с.
6. Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). М.: Международные отношения, 1981. 284 с.
7. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2006. 240 с.
8. Саган Ф. Здравствуй, Нью-Йорк // *Desillusionist*. 2008. № 14. С. 108–111.
9. Sagan F. Bonjour New-York. Paris: Editions de l'Herne, 2007. 58 p.